

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902:930.2:2

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

К. М. Байпаков

Доктор исторических наук, профессор, Алматы (Казахстан)

Г. А. Терновая

Независимый исследователь, Москва (Россия)

С. Ш. Акылбек

Отрарский государственный археологический заповедник-музей, Шаульдер (Казахстан)

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СТЕНАХ ТРОННОГО ЗАЛА В ДВОРЦОВОМ КОМПЛЕКСЕ ГОРОДА КУЛАН (VIII–IX ВВ.)

В статье рассматриваются граффити на стенах помещения 3 во дворце средневекового города Кулан. Это помещение выполняло функции «тронного зала». Часть граффитов выполнена в стилистике, близкой к раннетюркской графике, зафиксированной в наскальном творчестве. Группы рисунков образуют единую композицию. Прослеживается последовательность построения изобразительных рядов — справа налево в соответствии с написанием и чтением рунических надписей. Здесь представлены знаки-тамги, портретные изображения людей, зооморфные образы. На юго-западной стене показаны исторические события, связанные с завоеванием власти. В центре запечатлен тюркский воин, передающий знамя своему повелителю, в правой части стены — правитель с супругой. На северо-западную стену за «почетным местом» нанесено изображение символа тюркского племени — бегущей собаки. Возможно, этот образ связан с представлениями о Небесном псе-защитнике, творце всего растущего, медиаторе между миром людей и Небом. На юго-восточной стене изображена крупная птица — павлин, в образе которой отображены представления о космической птице. Зна-

ки-тамги и данные письменных источников позволяют связать изображения с конкретными историческими событиями, произошедшими в жизни города Кулан в VIII в.

Ключевые слова: Казахстан, Семиречье (Жетысу), город Кулан, раннее Средневековье, тюрки, археология, цитадель, дворец, «тронный зал», декор, граффити.

Цитирование статьи:

Байпаков К. М., Терновая Г. А., Акылбек С. Ш. К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 7–31.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

К. М. Байпаков

Doctor of Historical Sciences, Professor, Almaty (Kazakhstan)

Г. А. Терновая

Independent researcher, Moscow (Russia)

С. С. Акылбек

Otrar State Archaeological Reserve Museum, Shaulder (Kazakhstan)

ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC VALUE OF GRAPHIC IMAGES ON THE WALLS OF THE THRONE ROOM OF THE PALACE COMPLEX OF THE CITY OF KULAN (VIII–IX CENTURIES)

The article examines graffiti on the walls of room 3 in the palace of the medieval city of Kulan. This room served as a “throne room”. Some of the engravings were made in a style close to the early Turkic graphics, recorded in rock art. Groups of pictures form a single composition. The sequence of construction of pictorial series is traced — from right to left in accordance with the writing and reading of the runic inscriptions. There are tamga signs, portraits of people, zoomorphic images. Historical events related to the conquest of power are shown on the southwest wall. In the center is a Turkic warrior passing the banner to his master, in the right part of the wall — the ruler with his wife. On the north-western wall behind the “place of honor” there is an image of the symbol of the Turkic tribe — a running dog. Perhaps this image is associated with the idea of the Heavenly guardian dog, the creator of everything that grows, a mediator between the world of people and Heaven. On the southeastern wall, there is a large bird — a peacock, in the image of which ideas about a space bird are displayed. Tamga

signs and data from written sources make it possible to associate images with specific historical events that occurred in the life of the city of Kulan in the VIII–IX centuries.

Keywords: Kazakhstan, Semirechye (Zhetysu), Kulan city, early Middle Ages, Turks, archeology, citadel, palace, “throne room”, decor, graffiti

For citation:

Байпаков К. М., Терновоя Г. А., Акылбек С. С. On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries). Nations and religions of Eurasia. 2022. Т. 27, № 1. P. 7–31.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

Байпаков Карл Молдахметович (1940–2018), доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан.

Терновая Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва (Россия). Адрес для контактов: galina-ternovaya@yandex.ru.

Акылбек Серик Шаймерденович, заместитель директора по научной работе Отрарского государственного археологического заповедника-музея, Шаульдер (Казахстан). Адрес для контактов: s.akyzbek@hotmail.com.

Baipakov Karl Moldahmetovich (1940–2018), Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

Ternovaya Galina Alekseevna, candidate of Historical Sciences, independent researcher, Moscow (Russia). Contact address: galina-ternovaya@yandex.ru. ORCID: 0000–0002–0659–4984.

Akyzbek Serik Shaimerdenovich, Deputy Director for Research, Otrar State Archaeological Reserve-Museum, Shaulder (Kazakhstan). Contact address: s.akyzbek@hotmail.com.

ORCID: 0000–0002–7495–9375

Введение

Кулан был одним из наиболее известных средневековых городов, расположенных к востоку от Тараза. Ибн Хордадбех (IX в.) и Кудама (X в.) называют расстояние между этими городами. Первый автор пишет о 17-ти фарсах, второй — 14-ти фарсах, измеряя длину пути «по пустыне, называющейся Кулан... Песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за песком пустыня из песка и гальки, в ней ехидны, [она тянется] до границы кимаков» [Волин, 1960: 74, 77]. Указанные сведения позволили отождествить город с археологическим памятником на окраине села Кулан (ранее — с. Луговое) в Жамбылской области, в 120 км к востоку от города Тараз, на восточной окраине которого находятся остатки городища Тараз. Вопрос о тождестве Кулана и городища к востоку от него в свое время решил В. В. Бартольд, совершивший научную поездку в 1893–1894 гг. по Южному Казахстану и Семиречью по одной из магистральной трасс Великого Шелкового пути [Бартольд, 1964: 282; 1966: 48; 1966а: 260; Байпаков, 1998: 114–115]. В. В. Бартольд отметил, что маршрут китайского путешественника — буддийского

монаха Сюаньцзана, вероятно, тождествен тому, который приводится в «Истории династии Тан». Проехав в 629 г. через Чуйскую долину и Южный Казахстан, он отметил город Цзюйлань. Есть точка зрения, что Цзюйлань — это Кулан [Бартольд, 1964: 268–269, 281–282, 299]. В 739 г. или 740 г. в Кулане тюркешским князем Курсулем был убит Ашина-Синь — сын и приемник тюркского кагана Ашина-Хуайдао, со смертью которого пресекался западно-тюркский царствующий дом [Бартольд, 1943: 33].

В 194 г. по мусульманскому летоисчислению (810 г. н.э.) арабы совершили экспедицию против города Кулан. Ибн Аль-Асир (1160–1234) упомянул исламского ученого и мудреца Шахика аль-Балхи, «участвовавшего в походе на Кулан, в стране тюрков» [Бартольд, 1963: 249, 260; Волин, 1960: 88]. Автор IX в. ибн Хордадбех назвал Кулан «богатым селением» [Волин, 1960: 74]. В X в. аль-Мукаддаси (аль-Макдиси) сообщил, что «Кулан — укрепленный город, соборная мечеть в ней [медине], он уже опустел. Он — на большой таразской дороге» [Волин, 1960: 82]. В географическом словаре Якута, составленном в 1224 г. на основе сведений X и XII вв., написано: «Кулан — приятный городок на границах страны тюрков, со стороны Мавераннахра» [Волин, 1960: 87].

Описание результатов исследования

В разные годы осуществлялись археологические исследования городища и его округи. В 2015 и 2017 гг. проводились раскопки цитадели. Здесь были выявлены слои тюркешского, карлукского, караханидского периодов. В культовом помещении 2 (в публикации 2016 г. — № 1) стены были украшены резьбой по глине [Акылбек, Смагулов, Яценко: 2016, рис. 6–9, 11, 13]. По комплексу признаков оно определено как манихейское святилище [Байпаков, Терновая, 2018]. Исследователи увидели в создателях комплекса помещений (2 и 3) тюркешей, каганат которых возвысился в первой половине VIII в. [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 63].

В 2017 г. были раскопаны помещения 5, 6, 8 и помещение 12 с алтарем огня, на поверхности которого обнаружены две глиняные курильницы. По существующим аналогиям они определены как комплекс культовых помещений маздеизма, датированный карлукским периодом VIII–IX вв. Верхние слои цитадели относятся к караханидскому времени [Байпаков, Акылбек, Терновая, 2019].

Помещение 3 (7,7 × 6,8 м), вытянутое по линии юго-восток — северо-запад, предположительно выполняло функции «тронного зала» (рис. 1, 2). Стены толщиной 1,8–2,1 м сохранились на высоту 3–3,5 м. Они были покрыты слоем штукатурки толщиной 3 см, затем выровнены тонким слоем алебаstra. Проход расположен в центре юго-восточной стены. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены суфы. Их высота 0,55 м и 0,4 м (северо-восточная стена). Ширина главной северо-западной суфы 1,8 м, остальных — 1,4 м. К центральному (почетному) месту, расположенному в центре северо-западной стены, ведет двуступенчатая лестница шириной 1,0 м. В середине помещения, ближе к входу, устроен подиум подквадратной формы, размерами 1,1 × 1,05 м, высотой 0,2 м [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 53–63].

«Тронный зал», вероятно, функционировал два периода существования памятника. Об этом могут свидетельствовать изменения, внесенные в отделку стен — поверх ранних по времени росписей были нанесены граффити, отличающиеся манерой исполне-

ния от остальных декоративных элементов в интерьерах дворца (рис. 3). Позднее это помещение было заложено кирпичом и стало частью платформы, на которой возвели постройки караханидского периода.

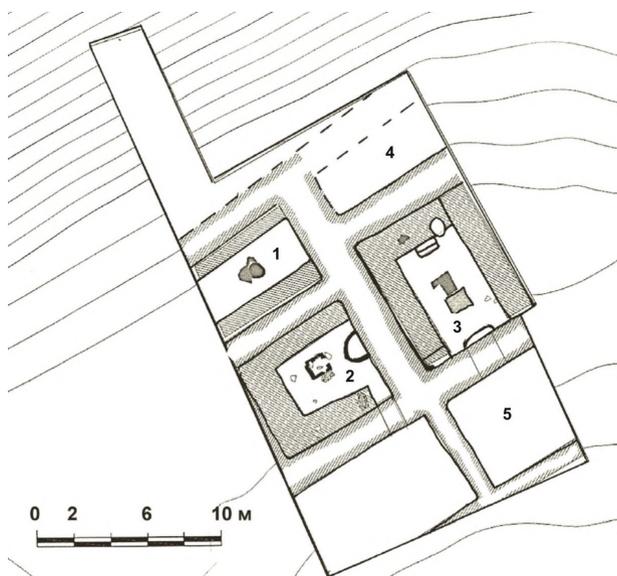

Рис. 1. Цитадель городища Луговое. План раскопа 2015 г.
Fig. 1. Citadel of the city of Lushchagovoe. Excavation plan 2015

Рис. 2. Цитадель городища Луговое. Раскопки 2015 г.
На переднем плане – интерьер помещения 3
Fig. 2. The citadel of the city of Lushchagovoe. excavations in 2015.
In the foreground – the interior of room 3

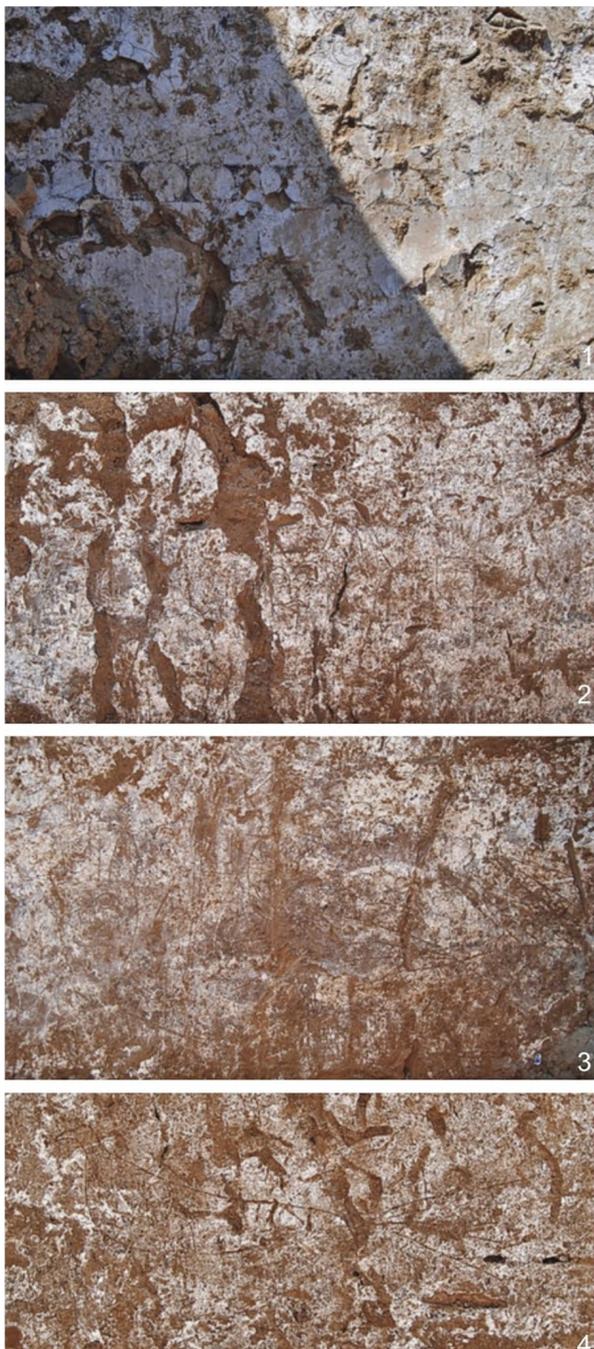

Рис. 3. Цитадель городища Луговое.

Фото стен с графическими изображениями из помещения 3. Раскопки 2015 г.

Fig. 3. Citadel of the ancient settlement Lugovoe.

Photos of walls with graphic images from room 3. Excavations in 2015

В публикации 2016 г. были представлены графические прорисовки на стенах помещения 3, дано описание, определен характер одежды персонажей. С. А. Яценко, подробно рассмотрев одежду, выделил четыре типа оригинальных головных уборов, которые не были известны тюркам в VI и VII вв., но встречаются в соседнем Синьцзяне — один в оазисах Куча и более ранние в оазисе Ния, а также у поселившихся там в IX в. уйгуров (убор правителя на юго-западной стене). Автор отметил существенную роль населения оазисов Синьцзяна в создании костюма ранних тюрков [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 62–63, рис. 15, 17].

Описание декоративного оформления стен «тронного зала» приводится по публикации 2016 г. Так как часть гравировок на стенах выполнена в стилистике, близкой к раннетюркской графике, зафиксированной в наскальном творчестве, описание изобразительных рядов будет дано справа налево в соответствии с написанием и чтением рунических надписей.

На *юго-западной стене* представлено четыре группы изображений, образующих единую горизонтальную композицию (рис. 4).

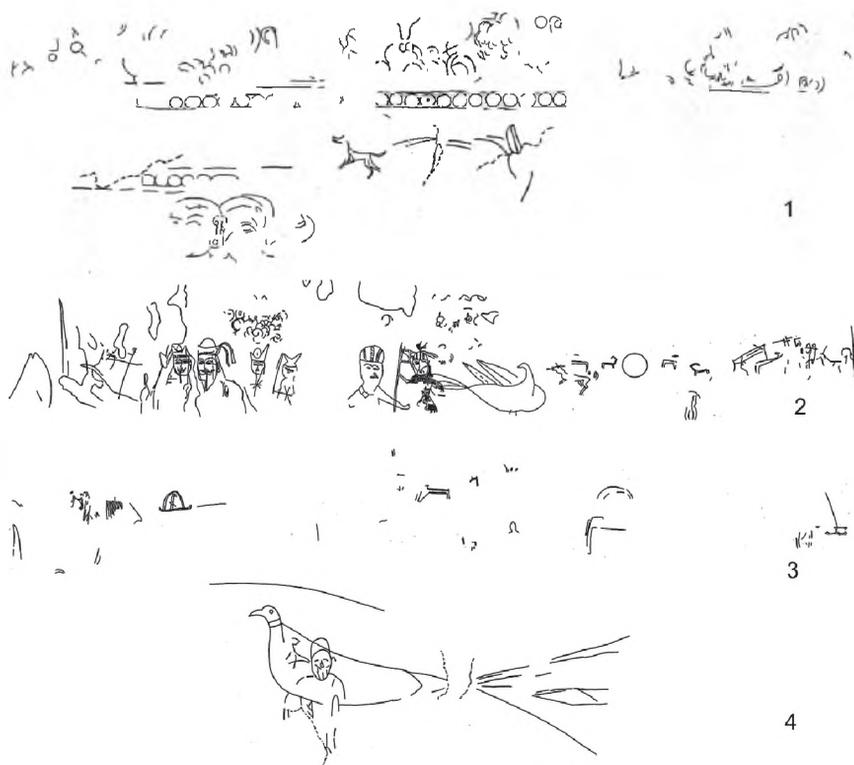

Рис. 4. Цитадель городища Луговое.

Прорисовки графических изображений на стенах помещения 3

Fig. 4. Citadel of the ancient settlement Lugovoe.

Drawing graphic images on the walls of the room 3

Сцена 1. На рисунке просматривается изображение лучника, силуэты животных. По мнению авторов публикации 2016 г., здесь «представлена сцена охоты пешего лучника, вероятно, с собакой, на двух или трех копытных. Слева от него стоит его лошадь (?)». К сожалению, в настоящее время об изображениях можно судить на основании того, как они были восприняты при прорисовке.

Сцена 2. Здесь выгравированы дикие животные (изображения разной сохранности). В центре нарисован сравнительно крупный круг — символ солнца. С двух сторон схематично изображены горные козлы, два из них повернуты в сторону солнечного диска. Ниже авторы публикации рассмотрели двух «более крупных оленей» (?), изображенных в другой манере.

Сцена 3. Это центральная группа изобразительного ряда. Справа расположена крупная птица — лебедь или гусь. Она сидит, развернувшись в сторону солнечного диска и диких животных, но повернув голову к изображенным сзади мужчинам.

Рис. 5. Цитадель городища Луговое. Фрагмент рисунков с юго-западной стены помещения 3
 Fig. 5. Citadel of the ancient settlement Lugovoe. Fragment of drawings
 from the southwestern wall of room 3

Ближе к птице находится воин в шлеме с султаном в виде вертикально укрепленного перьевого или волосяного пучка (рис. 5.-3). Он облачен в длинный пластинчатый доспех. Монголоидный тип лица, длинные вислые усы. В правой руке он держит знамя с тремя заостренными лентами на древке копья. Левее воина изображен более зна-

чимый мужской персонаж, который крупнее стоящего рядом с ним воина. Левая рука знатного человека протянута к древку знамени. У мужчины монголоидный тип лица, длинная и заостренная борода, просматривается левая часть висячих усов. На одежде выделены ворот и, возможно, подпрямоугольная застежка накидки у правого плеча. С. А. Яценко отметил, что головной убор в виде полушарной шапки с тремя параллельными рубчатými полосами известен только в близких по времени росписях из оазиса Куча в Синьцзяне [Яценко, 2000: рис. 60.-6]. Подобное расположение персонажей — знатного человека и воина — можно увидеть в настенной росписи Пенджикента [Живопись..., 1954: табл. XXXVI] (рис. 6).

Рис. 6. Знатный персонаж и воин. Фрагмент росписи северной стены помещения 1, объекта VI [Живопись..., 1954: табл. XXXVI]

Fig. 6. Noble character and warrior. Fragment of painting on the northern wall of room 1, object VI [Painting..., 1954: pl. XXXVI]

В сцене 4 представлены четыре персонажа (рис. 5.-1, 2). На переднем плане — правитель и его предполагаемая супруга. Они изображены в левой части стены и обращены лицами влево, по направлению к северо-западной стене, где расположено «почетное место». У мужчины узкие глаза с окрашенными черной краской зрачками, дугообразные брови, прямой нос, горизонтальные, загнутые вверх усы, длинная и широкая, заостренная книзу борода. Длинные волосы ниспадают на спину. В левом ухе круглая

серьга. С. А. Яценко обратил внимание на оригинальный головной убор в виде шляпы с загнутыми широкими полями и высокой закругленной тульей. Слева от края полей шляпы свисает пара ленточек. Нижний край головного убора украшен полоской с узором в виде вертикальных черточек. Подобный тип головного убора известен с IX–X вв. у осевших на севере Синьцзяна тюрков-уйгуров [Яценко, 2000: рис. 65.-16].

Предполагаемая супруга правителя находится по его правую руку. У женщины круглое лицо, миндалевидные глаза с выделенными веками, дугообразные брови, пухлый рот. В левом ухе серьга. На голове — трезубый (трехрогий) головной убор, в нижней части которого — такая же полоска, как у головного убора правителя. С зубцов убора свисает длинная накидка.

За спиной правителя стоят два молодых персонажа меньшего размера. На головах у них уборы с двумя длинными и острыми выступами (рогами), изготовленными, по мнению С. А. Яценко, из твердого материала (войлок или кожа). У персонажа, стоящего ближе к правителю, головной убор в центре имеет небольшую полусферическую тулью. Один выступ выше другого. Над миндалевидными глазами прорисованы дугообразные брови. Нос прямой, рот пухлый. На лице нет волосяного покрова — бороды и усов. У второго персонажа прорисованы миндалевидные глаза и прямой нос. Головной убор другой формы — два «рога» закреплены на круглой шапочке, сделанной по форме головы.

С. А. Яценко привел в качестве примера двурогие головные уборы, «документированные как в северных, так и в южных оазисах соседнего Синьцзяна с II–III по VIII вв. н. э.» [Яценко, 2000: 311–312, рис. 58.-5, 60.-12]. К сожалению, головные уборы, приведенные в качестве аналогий, далеки от уборов, изображенных на юго-западной стене помещения 3 (2). «Копье», увиденное автором у второго персонажа, отсутствует. Вертикальная полоса может обозначать свисающее с «рога» покрывало. Предположительно это молодые люди — юноша и девушка (?), дети правителей. Возможно, здесь представлена знатная семья, чему есть примеры в изобразительном искусстве Центральной Азии (см. ниже).

На *северо-западной стене* за «почетным местом» выявлены единичные воспроизведения, расположенные в центре, перекрывая не сохранившуюся на этом участке полосу живописи. Они сделаны в особой, отличной от других стен, стилистике. Слева четко просматривается изображение собаки, бегущей в правую сторону. Правее исследователи увидели смотрящее в противоположную сторону существо (вероятно, фантастическое) с длинным хвостом и очень длинными ушами.

На частично обрушившейся *юго-восточной стене*, напротив «почетного места», из граффити сохранилось тщательно выполненное изображение крупной птицы, похожей на павлина, на теле которой дорисована фигура мужчины анфас с бородой, усами и в невысокой шапке. Авторы публикации 2016 г. увидели также на теле птицы профильную фигурку бегущего копытного (?) и предположили, что изображения крупных птиц и человека взаимосвязаны и отражают популярный фольклорный мотив полета героя на волшебной птице.

Северо-восточная стена, судя по имеющимся прорисовкам, также была покрыта изображениями. Можно увидеть фрагменты животных, но рассмотреть людей и «ка-

кие-то довольно крупные артефакты», о которых идет речь в упомянутой публикации, к сожалению, не представляется возможным. Изображения на этой стене плохой сохранности.

Смысловое значение настенных изображений

Граффити на стенах «тронного зала» во дворце Кулана выполняли ту же задачу, что и декор помещений подобного назначения во дворцах Средней Азии и Южного Казахстана. В искусстве Пенджикента, Варахши, Куйрыктобе отмечены изображения заказчиков — правителя с семьей и бога или богов-покровителей, которым они поклонялись. Возвеличиванию членов царствующего дома посвящены пристенные скульптурные композиции Топрак-калы, Старой Нисы, Дальверзин-тепе. В тронном зале городища Куйрыктобе (VIII–IX вв.) в композиции, составленной из резных досок на северо-восточной стене, передана династическая легенда правителей, ведущих родословную от Сиявуша [Терновая, 1998; Байпаков, Терновая, 1998; 2005: 68–75, рис. 34], так же, как правители Хорезма, Парфии, Согда. Легенда о Сиявуше представлена в росписях Пенджикента [Дьяконов, 1951: 40–41, рис. 4, 5]. В помещении 8 архитектурного комплекса «Луговое Г» были обнаружены портретные изображения знатных мужчин и фрагмент фигуры всадника на коне, выполненные из глины [Байпаков, Терновая, 2002; 2004, рис. 1–4].

Как уже было отмечено, чтение смыслового содержания изобразительных рядов на стенах «тронного зала» во дворце Кулана будет осуществляться справа налево, как это происходит при написании и чтении рунических надписей.

Юго-западная стена. В *сцене 1* на этой стене, согласно логике повествования, могли быть показаны события (возможно, легендарные), связанные с началом, рождением, происхождением. Из-за плохой сохранности можно лишь предполагать суть происходящего.

В *сцене 2* основными изображениями являются круг — солярный символ и горные козлы небольшого размера. Предположительно это родовые символы — знаки-тамги.

Тамга в виде круга встречается, например, в Жетысу-Семиречье. Ее можно увидеть на каменных изваяниях тюркского святилища Жайсан в долине реки Чу: на северной боковой грани мужской стелы из ограды мемориала Жайсан 6 и на правой за тыльной стороне головы статуи 1 из комплекса Жайсан 14. Территория, где сконцентрированы культовые сооружения со статуями, алтарями, наскальными рисунками, письменностью и тамгами, представляла собой общественный центр под открытым небом [Досымбаева, 2013: рис. 25.-1, 35.-1; Досымбаева, Бондарев, 2016: рис. 1.-1, 2] (рис. 7.-1, 2).

Такая тамга изображена на груди конного всадника в кольчуге и шлеме со знаменем на копье в руках. Рисунок вырезан на Соляной горе в Хакасии (IX–X вв.). Это героизированное изображение конкретного воина. По мнению исследователей, подобные воспроизведения передают не деяния живых, а славят уже умерших витязей. В наскальном искусстве Саяно-Алтая появление лично-фамильных тамговых знаков на фигурах конных персонажей относится к VIII–IX вв. [Кызласов, 1969: 109, рис. 41; 2008: 459, 461, рис. 14] (рис. 7.-3).

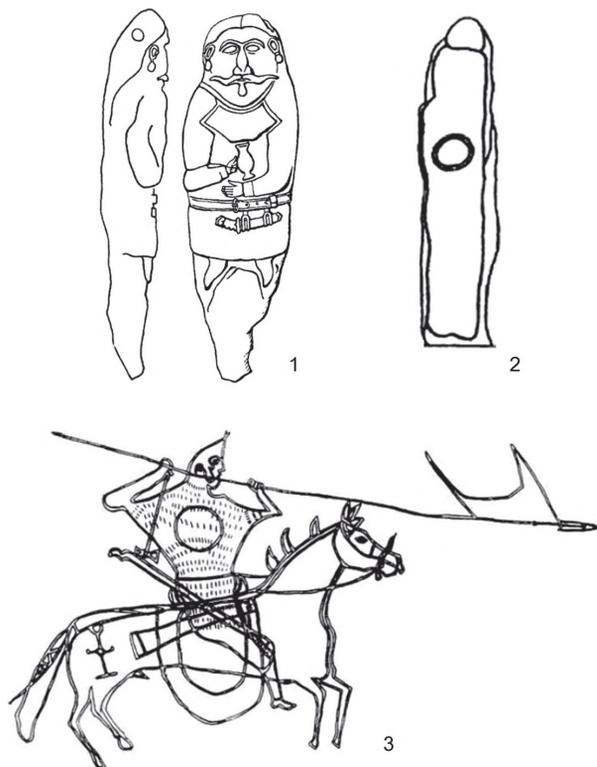

Рис. 7. Изображения круглой тамги. 1 — Жайсан 14; 2 — Жайсан 6 [Досымбаева, 2013: рис. 25.-1, 35.-1]; 3 — рисунок на Соляной горе в Хакасии [Кызласов, 1969: рис. 41]

Fig. 7. Images of a round tamga. 1 — Zhaisan 14; 2 — Zhaisan 6 (Dosymbaeva, 2013: fig. 25.-1, 35.-1); 3 — drawing on Salt Mountain in Khakassia [Kyzlasov, 1969: fig. 41]

Семантика знака в виде круга связывается с соляным культом. Солнечным каганским («царским») родом племени ашина («голубое [Небо]») в восточнотюркских каганатах был шардулы («Солнце-птица» и «Солнце-олень»). Ю. А. Зуев конкретизировал образ божества Неба-Тенгри, которому поклонялись каганские тюрки. Это — Утреннее голубое Небо в лучах восходящего Солнца [Зуев, 2002: 226, 249].

Для понимания смыслового содержания этого знака приводятся сопоставления с символами казахов. Круг — это родовой знак племени Старшего Жуза — дулатов (по Н. И. Гродекову, С. А. Аманжолову и данным полевых материалов). В свою очередь каждый род имел и родовую тамгу, составляющую варианты общей племенной тамги [Востров, Муқанов, 1968: 39]. Несмотря на то, что дулаты называют свою тамгу «круг», или донгелек (каз. дөңгелек), в народной традиции есть лирическое выражение «Күн таңбалы Дулат», означающее «дулаты с солнечной тамгой» [Досымбаева, Болдырев, 2016].

Н. А. Аристов отметил, что киргиз-казачьи родовые тамги в систематическом порядке состоят из изображений круга, его удвоения, полукруга, одной прямой черты, ее

удвоения, соединений круга и полукруга с одной и даже тремя прямыми, сочетаний двух, трех и четырех линий, соединенных под углами. Древность тамг доказывается тем, что знаки тюркского алфавита, которыми сделаны надписи на памятнике Кюльтегину и других памятниках на Орхоне и Енисее, «суть родовые тамги, употребляемые большей частью и поныне у киргиз-казахов» [Аристов, 1894: 410–411].

Козел-тамга. Тамгообразные изображения горных козлов датируются VI–VIII вв. Они были открыты на огромных пространствах — от Монголии и Тувы на востоке до Памиро-Алая на западе. Чаще всего такие тамги встречаются среди петроглифов, ими же отмечен ряд памятных стел, каменных изваяний и балбалов, установленных на «княжеских» комплексах Монголии. Тамга в виде козла изображена на памятниках представителей ашина — знатного рода правителей тюркских каганатов в VI–VIII вв. Эти тамги были изучены экспедицией В. В. Радлова на памятниках Кюльтегину и Бильге-хану — кагану Восточно-тюркского каганата с 716 по 734 г., на Асхетской плите, в наверхшии Онгинского памятника (в сочетании с тамгами его героя). А. Д. Грач отметил, что «древнетюркские тамгообразные петроглифы, изображавшие горного козла, — это как бы сигнальные вехи, отражавшие ареал и зону передвижения племен, входивших в состав каганатов орхон-алтайских тюрков» [Грач, 1973: 322–323, рис. 1.-1–4] (рис. 8).

По мнению В. Е. Войтова, тамга в виде фигурки горного козла, расположенная на спине статуи № 16 из Унгету в Центральной Монголии, является отличительным знаком правящего рода тюрков-туго. Она многократно повторяется на памятниках различного рода Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана и Памира [Войтов, 1987: 102, рис. 5.-1]. В. В. Радлов назвал это изображение «ханской тамгой» [Радлов, 1892, табл. 9]. С. Г. Кляшторный уточнил, что определение знака как родовой тамги второй тюркской династии (682–744) является более полным [Кляшторный, 1980: 94].

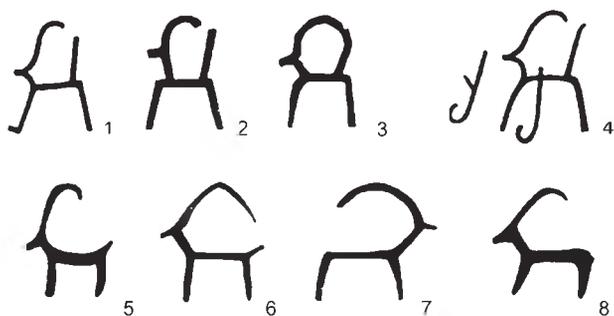

Рис. 8. Знаки-тамги с изображением козлов. Каганские тамги: 1 — памятник в честь Кюльтегина, Орхон; 2 — каменное изваяние, Орхон (по В. В. Радлову); 3 — плита в Асхете (по В. В. Радлову); 4 — стела с надписями, Онгин (по В. В. Радлову). 5–8 — Казахстан, Чулакские горы (по П. И. Мариновскому) [Грач, 1973: рис. 1.-1–4, 17–20]

Fig. 8. Signs-tamgas with the image of goats. Kagan tamgas: 1 — a monument in honor of Kul-tegin, Orkhon; 2 — stone statue, Orkhon (according to V. V. Radlov); 3 — slab in Askhet (according to V. V. Radlov); 4 — stele with inscriptions, Ongin (according to V. V. Radlov). 5–8 — Kazakhstan, Chulak mountains (according to P. I. Marikovskiy) (Grach, 1973: fig. 1.-1–4, 17–20)

На каменном изваянии из Чойрэна в Монголии высечена древнетюркская надпись и две тамги, одна из которых в виде схематичного изображения горного козла расположена внизу. Анализ обеих тамг показал, что надпись относится к эпохе второго Тюркского каганата и принадлежит вождю из племени ашидэ. Текст называет имя автора надписи и имя кагана, которому он служил в момент создания памятника. С. Г. Кляшторный отметил, что «в конце VII–VIII вв., вероятно, было бы правильнее говорить об ашидэ как об одном из племен каганата, которое вместе с ашина было основной военно-политической опорой тюркской династии» [Кляшторный, 1980: 95]. Тамга, расположенная выше, предположительно воспроизводит образ змеевидного дракона. Ю. А. Зуев привел похожее изображение в танском «интенданском реестре тамг», где она названа тамгой ашидэ. Змей (иногда трехглавый) на древнетюркских памятниках, по мнению Ю. А. Зуева, является «изобразительным эвфемизмом Дракона» [Зуев, 2002: 238, 245].

В некрополях Тараза обнаружены захоронения в хумах и оссуариях. В отличие от оссуариев с зороастрийской символикой, хумы размещались не группами, а поодиночке в грунте на глубине от 30 см до 1,5–2 м. Верхняя часть хумов украшалась оттисками клейм, среди которых присутствует изображение козла. Т. Н. Сенигова связала этот образ с родовой символикой тюркской аристократии. Антропологический анализ черепов, обнаруженных в хумах, позволил исследователям сделать вывод, что часть скелетов относится к местному автохтонному населению Южного Казахстана VIII–X вв. [Сенигова, 1968: 59–60, рис. 2]. Л. Р. Кызласов предположил, что погребения в хумах предвательно очищенных от плоти костей, обнаруженные на юге Средней Азии, — «несомненно, манихейские». По его мнению, манихейскими являются два кладбища (III и V), исследованные на городище Ак-Бешим, о чем свидетельствует их устройство и погребальный обряд [Кызласов, 2006: 139–140].

Гусь-лебедь. В изобразительном ряду юго-западной стены привлекает внимание крупный рисунок гуся или лебедя. Образ птицы связывает сцену с родовой символикой и сцену с двумя персонажами. Туловище птицы повернуто направо, а голова налево — по направлению к предполагаемому воину-победителю, передающему знамя знатному человеку. На серебряной бляхе-обойме от ножен сабли из Зевакинского могильника в Прииртышье изображен сидящий мужчина с кубком в руках между двумя обращенными к нему гусями [Арсланова, 2013: 81, фото 6]. Возможно, он празднует победу.

Птица-лебедь присутствует в «*Irq bitig*» («Книге гаданий или предзнаменований»), руническом тексте, написанном на 58 листах бумаги. Рукопись была найдена А. Стейном в 1907 г. близ Дуньхуана (Западный Китай) в пещерной библиотеке *Тысячи Будд*, замурованной в конце X в. Дуньхуан был воротами в Китай на Великом Шелковом пути. «*Irq bitig*» написана на оборотной стороне более старых китайских документов. Дж. Р. Гамильтон установил, что рукопись была закончена 17 марта 930 г. [Hamilton, 1975]. «Книга» была исследована, дешифрована и издана В. Томсеном [Thomsen, 1912]. Текст состоит из 65 повествований-предзнаменований и приспособлен для гадания [Кляшторный, 2006: 276–279]. С. Е. Малов, опубликовавший «*Irq bitig*» с переводом на русский язык, заметил, что это сочинение «шаманского содержания: приметы и поверья» [Малов, 1951: 13]. Фрагмент из «*Irq bitig*»:

Говорят: муж отправился в военный поход. В дороге его Лошадь утомилась. Муж с птицей-лебедем повстречался. Птица-лебедь посадила (его) на свои крылья. И с ним, поднявшись ввысь, отправилась в путь. Она доставила (его) к родителям его. Его родители Радовались и веселились. Так знай — это хорошо! [Малов, 1951: 88].

Используя этот текст, вероятно, можно объяснить изображение на стене тронного зала дворца в Кулане, а именно — отсутствие у воина со знаменем коня и наличие птицы-лебедя. Мотив использования лебедя или гуся как средства передвижения хорошо известен в сибирском шаманизме. Шаманы используют лебедя (гуся) в качестве духа-помощника при посещении верхнего мира. Образ гуся фигурирует в героическом эпосе народов Южной Сибири [Потапов, 1991: 83].

Существует ряд эпосов, в центре которых стоит мотив лебединой девы, восходящий к тотемическим представлениям, который известен по всей Евразии [Неклюдов, 1984: 50]. В мифологии Евразии птица являлась главной посредницей между Верхним и Нижним мирами. В представлениях хакасов Хуу-лебедь — это сказочная птица, гнездящаяся в воздухе, красивая женщина, спускающаяся с неба, птица-мать. По мнению исследователей, в наскальном искусстве и на металлических изделиях в виде утки или лебедя изображалась богиня Умай, которая покровительствовала детям и воинам [Чебодаева, 2019: 5–7]. О том, что Умай дарует победу, сообщается в надписи памятника в честь Тоньюкука [Потапов, 1972: 269].

Дева-лебедь фигурирует в хакасском героическом эпосе «Ай-Мирген и Айдолай» в переводе князя П. П. Вяземского [Аникеева, Зайцев, 2018]. П. П. Вяземский писал, что «в первую эпоху христианства в России существовало стремление придавать военным подвигам характер религиозный и во врагах видеть неверных и весь языческий мир. При подобном стремлении лебеди изображают правильно вражью силу и могут после поражения петь свою лебединую песнь в честь победителя... Певец Игорев обозначением лебединых песен выражает, что в мистических песнях, бывших в ходу в XI столетии, состязание доброго начала против злого было воспеваемо представителями пораженного мира... Песни, которые певец обозначает лебедиными, могли также принадлежать к разряду богатырских сказок, в коих герой, Царевич или гостинный сын, захватывает город, находящийся в руках неверных, и освобождает христиан» [Вяземский, 1893: 32, 33].

Воин и знатный персонаж. Смысл сцены достаточно понятен — воин вручает знамя победы своему повелителю. Знамя с тремя кистями, отходящими от широкого края, является наиболее распространенной разновидностью знаменных изображений в тюркском наскальном творчестве Казахстана. Изображения сходных знамен и штандартов с тремя лентами широко представлены в петроглифах Семиречья, на Тянь-Шане, в Прииртышье и Прибайкалье [Рогожинский, 2019: 288].

Возможно, сцена, воспроизведенная на стене тронного зала, связана с историческими событиями 739 или 740 гг., когда в Кулане тюркешским князем Курсулем был убит Ашина-Синь, вследствие чего пресекался западно-тюркский царствующий дом [Бартольд, 1943: 33].

Правители. В следующей сцене, вероятно, показан тот же знатный персонаж, но уже сидящим на троне (?) с супругой в трехрогом головном уборе. Супружеская пара находится в конце изобразительного ряда юго-западной стены как итог событий, приведших правителя к власти. То, что на троне восседает тот же самый персонаж, подтверждают черты лица — глаза и брови, широкая, заостренная книзу борода и усы. Но теперь персонаж представлен в другой одежде, соответствующей его статусу.

Изображения семейных пар тюрков-правителей, восседающих на троне, где на женщине трехрогий головной убор, можно увидеть на каменном изваянии, обнаруженном в центральном районе Чу-Илийских гор, в урочище Когалы [Рогожинский, 2010: рис. 8], и на Сулекской писанице в Хакасии [Кызласов, 2008: рис. 3]. В центре северо-восточной стены центрального зала дворца Куйрыктобе на резной доске изображена знатная семья тюрков — канагров-кенгересов. С двух сторон от родителей стоят их дети (правители и подчиненные в системе государства) [Байпаков, Терновая, 2005: рис. 34]. Возможно, подобное значение имела группа персонажей на рассматриваемой стене во дворце Кулана.

Северо-западная стена расположена за «почетным местом». Здесь зафиксирован рисунок бегущей собаки. Подобное изображение встречается среди знаков на погребальных хумах из некрополя города Тараз [Сенигова, 1968: 59]. Возможно, это символ племени «кашу», которое, по мнению Ю. А. Зуева, является западно-тюркским вариантом термина «кушу» («собака»). По мнению автора, предположение подтверждает название города Кашу в Таласской долине, где располагалась одна из четырех тюркских религиозных манихейских обителей Семиречья; город Ытлык (от ыт «собака») около Тараза и «племя тюрков» «ытлык», упоминаемое Махмудом Кашгарским. Вероятно, это название идентично *ытлак* («сборище собак»). О тюркском племени гэшу (кашу) известно, что часть его, перейдя на танскую службу, переместилась в Аньси (Куча). Выходцем из этого племени был Гэшун Хань (Кашун-хан), ставший генерал-губернатором провинции Лунью и прославившийся военными действиями против Тибета. Известны также его однофамильцы. По мнению Ю. А. Зуева, сообщения источников конкретно ориентированы на область, расположенную к востоку от Сырдарьи, ставшую впоследствии территорией правого крыла Западно-тюркского каганата, созданного в 581 или 603 г. В 699 г. племена, прежде составлявшие правое крыло, явились этнополитической основой Тюркского каганата [Зуев, 2004: 50, 58, 60–61].

Сложность генезиса образа Небесной Собаки, Небесного Пса прослеживается в мифологии Китая. В китайских источниках с Небесной Собакой соотносятся несколько объектов и персонажей из «Каталога гор и морей» («Шань хай цзин»), «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня, «Истории Хань» («Хань шу») Бань Гу и других документов [Комиссаров, Кудинова, 2012: 70]. Древнекитайский памятник «Шань хай цзин» является источником естественно-научных знаний, мифологии, религии и этнографии Китая IV–I вв. до н. э. В «Каталоге северных [земель] внутри морей» описывается местонахождение значимых объектов, среди которых — «царство, Дарованное Собаке», которое «называется [еще] царством Собачьих жунов (Собак воинов). [Его жители] похожи на собак». «Собаки-воины» (Цюань-жун) обитают в Великой пустыне, там, где находится гора под названием гора Отца Юна (Юнфу) и кончается река Шунь.

Они произошли от двуполой Белой Собаки, питаются мясом. Это одно из племен жунов (воинов), не отождествляемое с каким-то конкретным племенем. Согласно Го Пу, имя бога народа Собак-воинов (Цюань-жунов) Сюань-ван (вождь Сюань) [Шань хай цзин, 1977: 106, 195, 210].

На *юго-восточной стене*, напротив «почетного места» также зафиксировано значимое изображение — крупная птица (павлин), на теле которой дорисованы мужчина и бегущее копытное животное (?).

Изображения павлинов можно увидеть на обломке культового столика IX–X вв., обнаруженного при раскопках архитектурного комплекса «Луговое Г» [Нуржанов, Терновская, 2014: рис. 1.-1] (рис. 9). Об особом отношении тюрков к павлинам известно из текста византийского историка VI в. Менандра Протектора. Он описал прием послов каганом Истеми в местности под названием Талас. Истеми имел титул «ябгу», который автор передал как «Дизабул». В один из дней гости были приглашены в помещение, где находились деревянные колонны, покрытые золотом, а также золотое ложе, которое держали четыре золотых павлина [Жданович, 2014: 12].

Рис. 9. Керамический столик-дастархан. Луговое Г. IX–X вв.
Fig. 9. Ceramic table-dastarkhan. Lugovoe G. 9th – 10th centuries

Предположительно на стене помещения 3 во дворце Кулана показан мифологический сюжет, передающий представления об изначальном космосе. Птица могла включать также какое-то обозначение вод. Возможно, в ее образе были слиты воедино небо,

земля, вода и другие элементы мироздания. Не исключено, что это изображение было попыткой передачи образа полиморфного существа, объединяющего птицу, человека и животное. Полиморфные персонажи известны в мифах, сказках, легендах разных культур.

Заключение

Космогонический сюжет с четырьмя павлинами, объединяющими разные образы, но в иной изобразительной традиции, показан на серебряной чаше, обнаруженной в западном Приуралье на реке Бартым, недалеко от Кунгура. О. Н. Бадер отнес находку к раннесасанидским изделиям, датировал ее III в. н.э. И. А. Орбели связывал чашу с Закавказьем досасанидского времени, К. В. Тревер высказала мнение о ее раннекушанском происхождении [Бадер, 1949: 89]. Л. А. Мацулевич считал, что бартымский сосуд мог быть изготовлен на территории Азербайджана не позднее рубежа нашей эры, а в фигуре павлина он видел владыку преисподней [Мацулевич, 1962: 29, 32, рис. 1]. Ю. А. Рапопорт поставил вопрос о среднеазиатском и даже, конкретнее, хорезмийском происхождении этой чаши. Он отметил бесспорное сходство своеобразно переданных птиц на бартымской чаше и на обломках двух больших керамических фляг, обнаруженных при раскопках древнехорезмийского храма-мавзолея Кой-Крылган-кала в слое IV–III вв. до н. э. Но на этих сосудах, в отличие от бартымской чаши, фантастической птицей является гусь. Изображение павлина вместо гуся, по мнению Ю. А. Рапопорта, «видимо, отражает закономерность, хорошо прослеженную прежде всего в индийском искусстве, где водоплавающий спутник водной богини Сарасвати через ряд промежуточных форм был сменен павлином». Рассматривая эти воспроизведения, автор предположил, что подобное сочетание различных образов в одном персонаже связано с попыткой создания божественного персонажа в образе космической птицы. Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу главой пернатых. Она первой принесла божье слово в этот мир, говорила словами Мазды. По мнению автора, «уже этого достаточно, чтобы предположить, что она была воплощением божества и некогда играла в мифологии очень значительную роль» [Рапопорт, 1977: 58–64, рис. 6–9, 12].

В заключение необходимо отметить неопределимый труд археологов, которые вскрыли, расчистили и тщательно зафиксировали изображения, несущие важную информацию. Граффити на стенах «тронного зала» дворца в Кулане содержат сведения о правителях, исторических событиях и религиозно-мифологических представлениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29–66.

Аникеева Т. А., Зайцев И. В. Хакасский героический эпос «Ай-Мирген и Айдолай» в переводе князя П. П. Вяземского // Тюркологический сборник 2018. М., 2018. С. 191–235.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих ро-

довых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 391–486.

Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. 406 с.

Бадер О. Н. Бартымская чаша // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. XXIX. 1949. С. 84–91.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Гылым, 1998. 216 с.

Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9–35.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Легенда о Сиявуше на резном дереве Куйрук-тобе // Известия МН-АН РК. Серия общест. наук. 1998 № 1 (213). С. 58–67.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владельцев средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общест. наук. Алматы, 2002. № 1 (236). С. 244–268.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Резная глина Жетысу. Алматы : CREDO, 2004. 164 с.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы : Баур, 2005. 236 с.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 111–129.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М. : Наука, 1963. С. 233–270.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. Т. II, ч. 2. М. : Наука, 1964. С. 266–300.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М. : Наука, 1966а. С. 21–94.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью // Сочинения. Т. IV. М. : Наука, 1966б. С. 111–115.

Войтов В. Е. Каменные изваяния Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М. : Наука, 1987. С. 92–109, 327–331.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 72–92.

Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1968. 255 с.

Вяземский П. П. Две статьи: Волк и лебеди сказочного мира. Отдельный оттиск из «Филологических записок» 1876–1877 гг. Воронеж, 1893. 98 с.

Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 316–333.

Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Астана: Service Press, 2013. 254 с.

Досымбаева А., Бондарев М. Тамги — маркеры этнической культуры и символы тюркского государства // «IX Дулатовские чтения» на тему: «М. Х. Дулати и тюркский мир» : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан. Тараз : Тараз университеті, 2016. С. 112–119.

Жданович О. П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 6–20.

Живопись древнего Пянджикента. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 252 с.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Зуев Ю. А. Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. : материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 31–67.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2. С. 90–102.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука, 2006. 591 с.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Образ Небесного Пса в китайской мифологии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 70–79.

Кызласов Л. Р. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М. ; Тула : Гриф и К. 2008. С. 451–463.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во Московского университета, 1969. 212 с.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2006. №2. С. 138–150.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1951. 451 с.

Мацулевич Л. А. Чаша из Бартыма // Советская археология. 1962. №3. С. 25–32.

Неклюдов Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М. : Наука: ГРВЛ, 1984. 316 с.

Нуржанов А. А., Терновая Г. А. Столики-дастарханы из архитектурного комплекса Луговое Г (VII–XII вв.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. Алматы, 2014. №3. С. 124–132.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 265–286.

Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991. №5. С. 79–86.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1892–1899. Вып. 1. 1892. 14 с. 70 л.

Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и Средневековье (История и культура). М. : Наука, 1977. С. 58–71.

Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы : Print-S, 2010. С. 329–344.

Рогожинский А. Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные технологические традиции ранних форм искусства. 2. Памяти Е. Г. Дэвлет. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII. М. ; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2019. С. 275–289.

Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1968. С. 51–67.

Терновая Г. А. Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 26 с.

Чебодаева М. П. Образ Богини Умай (Ымай) в изобразительном и декоративном искусстве Хакасии. Абакан, 2019. 40 с.

Шань хай цзин (Каталог гор и морей) / предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М. : Наука: ГРВЛ, 1977. 236 с.

Яценко С. А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье / под ред. Б. А. Литвинского. М. : Восточная литература РАН, 2000. С. 296–384.

Hamilton J. Le colophon de l'Irğ bitig // *Turcica* 7, 1975. P. 7–19.

Thomsen W. Dr. M. A. Stein s. manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and TunHuang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. London, 1912. January. P. 181–227.

REFERENCES

Akylbek S. Sh., Smagulov E. A., Iatsenko S. Ia. Dekorativnoe ubranstvo rezidentsii tiurkskikh pravitelei VIII vv. v tsitadeli g. Kulan [Decorative decoration of the residence of the Turkic rulers of the VIII centuries. in the citadel of Kulan]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii* [Cultural heritage of Eurasia]. Almaty, 2011. S. 29–66 (in Russian).

Anikeeva T. A., Zaitsev I. V. Khakasskii geroicheskiy epos “Ai-Mirgen i Aidolai” v perevode kniazia P. P. Viazemskogo [Khakass heroic epic “Ai-Mirgen and Aidolai” translated by prince P. P. Vyazemsky]. *Tiurkologicheskii sbornik 2018* [Turkological collection 2018]. Moscow, 2018. S. 191–235 (in Russian).

Aristov N. A. Opyt vyiasneniia etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bol'shoi ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnykh skazanii i svedenii o sushchestviuiushchikh rodovykh deleniiakh i o rodovykh tamgakh, a takzhe istoricheskikh dannyykh i nachinaiushchikhsia antropologicheskikh issledovaniy [The experience of clarifying the ethnic composition of the Kirghiz Cossacks of the Great Horde and karakirgiz on the basis of genealogical legends and information about existing clan divisions and clan tamgas, as well as historical data and beginning anthropological studies]. *Zhivaia starina* [Living antiquity]. 1894. III–IV. S. 391–486 (in Russian).

Arslanova F. Kh. *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia* [Essays on the medieval archeology of the Upper Irtysh region]. Astana, 2013. 406 s. (in Russian).

Bader O. N. Bartymskaia chasha [Bartym bowl]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (KSIIMK)* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. XXIX. 1949. S. 84–91 (in Russian).

Baipakov K. M. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* [Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road]. Almaty : Fylym Publ., 1998. 216 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Akylbek S. Sh., Ternovaya G. A. K voprosu o religioznoi zhizni goroda Kulan v VIII–IX vv. (po materialam issledovaniia tsitadeli v 2017 g.) [On the question of the religious life of the city of Kulan in the 8th — 9th centuries (based on research materials of the citadel in 2017)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2019. 2 (19). S. 9–35 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. Legenda o Siivushe na reznom dereve Kuiruk-tobe [The legend of Siyavush on the carved wood Kuyruk-tobe]. *Izvestiia MN-AN RK. Ser. obshchest. Nauk* [News of the Ministry of Science-Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series]. 1998. 1 (213). S. 58–67 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. “Paradiz” v zagorodnom dvortsovom komplekse vladetelei srednevekovogo Kulana [“Paradise” in the suburban palace complex of the rulers of the medieval Kulan]. *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriia obshchest. Nauk* [News of the Ministry and Education of the Republic of Kazakhstan, National Academy of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series]. Almaty, 2002.1 (236). S. 244–268 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. *Reznaia glina Zhetysu* [Carved clay Zhetysu]. Almaty : CREDO Publ., 2004. 164 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodishcha Kuiryktobe)* [Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on the materials of the settlement of Kuyryktobe)]. Almaty : Baur Publ., 2005. 236 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. Manikheiskii kompleks vo dvortse srednevekovogo goroda Kulan (VIII v.) [Manichean complex in the palace of the medieval city of Kulan (VIII century)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2018. 3 (16). S. 111–129 (in Russian).

Bartołd V. V. *Ocherk istorii Semirech'ia* [Essay on the history of Semirechye]. Frunze : Kirgizgosizdat Publ., 1943. 104 s. (in Russian).

Bartołd V. V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviia [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. *Sochineniia. T. I* [Works. Vol. 1]. Moscow : Nauka Publ., 1963. S. 233–270 (in Russian).

Bartołd V. V. O khristianstve v Turkestane v domongol'skii period. (Po povodu semirechenskikh nadpisei) [About Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period. (Regarding the Semirechye inscriptions)]. *Sochineniia. T. II. Ch.2* [Works. Vol. II. Part 2]. Moscow : Nauka, 1964. S. 266–300 (in Russian).

Bartołd V. V. Otchet o poezdke v Sredniuiu Aziiu s nauchnoi tsel'iu v 1893–1894 gg. [Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose in 1893–1894]. *Sochineniia. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow : Nauka, 1966a. S. 21–94 (in Russian).

Bartołd V. V. Otchet o komandirovke v Sredniuiu Aziiu s nauchnoi tsel'iu [Report on a business trip to Central Asia with a scientific purpose]. *Sochineniia. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow : Nauka, 1966b. S. 111–115 (in Russian).

Voitov V.E. Kamennye izvaianiia Ungetu [Stone statues of Ungetu]. *Tsentral'naia Aziia: novye pamiatniki pis'mennosti i iskusstva* [Central Asia: new monuments of writing and art]. Moscow : Nauka, 1987. S. 92–109, 327–331 (in Russian).

Volin S. Svedeniia arabskikh istochnikov IX–XVI vv. o doline r. Talas i smezhnykh raionakh [Information from Arab sources of the 9th — 16th centuries about the valley of the river Talas and adjacent areas]. *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR. T. 8* [Works of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. T. 8]. Alma-Ata, 1960. S. 72–92 (in Russian).

Vostrov V.V., Mukanov M.S. *Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late 19th — early 20th centuries)]. Alma-Ata : Nauka KazSSR Publ., 1968. 255 s. (in Russian).

Viazemskii P.P., kniaz'. *Dve stat'i: Volk i lebedi skazochnogo mira. Otdel'nyi ottisk iz "Filologicheskikh zapisok" 1876–1877 gg.* [Two articles: The wolf and the swans of the fairy world. A separate print from the “Philological Notes” 1876–1877]. Voronezh : Tip. V. I. Isaeva Publ., 1893. 98 s. (in Russian).

Grach A.D. Voprosy datirovki i semantiki drevnetiurkskikh tamgoobraznykh izobrazhenii gornogo kozla [Dating and semantics of ancient Türkic tamga-like images of a mountain goat] *Tiurkologicheskii sbornik 1972* [Turkological collection 1972]. Moscow, 1973. S. 316–333 (in Russian).

Dosymbaeva A. *Istoriia tiurkskikh narodov. Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov* [History of the Turkic peoples. Traditional worldview of the Turks]. Astana : Service Press Publ., 2013. 254 s. (in Russian).

Dosymbaeva A., Bondarev M. Tamgi — markery etnicheskoi kul'tury i simvoly tiurkskogo gosudarstva [Tamgi — markers of ethnic culture and symbols of the Turkic state]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "IX Dulatovskie chteniia" na temu: "M. Kh. Dulati i tiurkskii mir", posviashchennnye 25-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan'* [Materials of the International Scientific and Practical Conference “IX Dulatov Readings” on the topic: M. Kh. Dulati and the Turkic world “dedicated to the 25th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan”]. Taraz : Taraz universiteti Publ., 2016. S. 112–119 (in Russian).

Zhdanovich O.P. Posol'stvo Zemarkha v stavku tiurkskogo kagana (perevod i kommentarii fragmentov truda Menandra Protektora) [Zemarkh's embassy at the headquarters of the Turkic kagan (translation and commentary on fragments of the work of Menander the Protector)] *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2 (4). 2014. S. 6–20 (in Russian).

Zhivopis' drevnego Piandzhikenta [Painting of ancient Panjikent]. Moscow : AN SSSR Publ., 1954. 252 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty : Daik-Press Publ., 2002. 338 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. Samoe sil'noe plemia [Strongest tribe]. *Istoriko-Kul'turnye vzaimosviazi Irana i Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Historical and Cultural Relations of Iran and Dasht-i Kipchak in the XIII–XVIII centuries. Materials of the international round table]. Almaty, 2004. S. 31–67 (in Russian).

Kliashtornyi S. G. Drevnetiurkskaia nadpis' na kamennom izvaianii iz Choirena [Ancient Türkic inscription on a stone statue from Choiren]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. 1980. Vyp. 22. Kn. 2. S. 90–102 (in Russian).

Kliashtornyi S. G. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaia istoriia Tsentral'noi Azii* [Monuments of ancient Turkic writing and ethnocultural history of Central Asia]. Sankt-Peterburg : Nauka Publ., 2006. 591 s. (in Russian).

Komissarov S. A., Kudinova M. A. Obraz Nebesnogo Psa v kitaiskoi mifologii [The image of the Heavenly Dog in Chinese mythology]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriia: Istoriiia, filologiia* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. 2012. T. 11, vyp. 4: Vostokovedenie. S. 70–79 (in Russian).

Kyzlasov L. R. K uiasneniiu iskhodnykh pozitsii izucheniia i sbrezheniia pisanits [To clarify the starting points of studying and saving petroglyphs]. *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura* [Human, adaptation, culture]. Moscow; Tula : Grif i K Publ. 2008. S. 451–463 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriiia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow : Moskovskii universitet Publ., 1969. 212 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R. Simvol kresta u manikheev i sakral'noe prostranstvo goroda Suiaba na reke Chu [The symbol of the cross among the Manichaeans and the sacred space of the city of Suyaba on the Chu River]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 8. Istoriiia. 2006. 2. S. 138–150 (in Russian).

Malov S. E. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia* [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow ; Leningrad : AN SSSR Publ., 1951. 451 s. (in Russian).

Matsulevich L. A. Chasha iz Bartyrna [Bowl from Bartyrn] *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology], 1962. 3. S. 25–32 (in Russian).

Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A. Stoliki-dastarkhany iz arkhitekturnogo kompleksa Lugovoe G (VII–XII vv.) [Tables-dastarkhan from the architectural complex Lugovoye G (VII–XII centuries)]. *Khabarshy / Vestnik KazNPU im. Abaia. Ser. "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"* [Bulletin of the Abay Kazakh national pedagogical university. Series "Historical and socio-political sciences"]. Almaty, 2014. 3. S. 124–132.

Nekliudov Iu. *Geroicheskii epos mongo'skikh narodov. Ustnye i literaturnye traditsii* [The heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions]. Moscow : Nauka: GRVL Publ., 1984. 316 s. (in Russian).

Potapov L. P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannykh [Umai — the deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data]. *Tiurkologicheskii sbornik 1972* [Turkological collection 1972]. Moscow, 1973. S. 265–286 (in Russian).

Potapov L. P. Elementy religioznykh verovaniy v drevnetiurkskikh genealogicheskikh legendakh [Elements of Religious Beliefs in Ancient Türkic Genealogical Legends]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography] 1991. 5. S. 79–86 (in Russian).

Radlov V. V. *Atlas drevnostei Mongolii* [Atlas of Antiquities of Mongolia]. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1892–1899. Vyp. 1. 1892. 14 s., 70 l. il. (in Russian).

Rapoport Iu. A. Kosmogonicheskii suzhet na khorezmiiskikh sosudakh [Cosmogonic plot on the Khorezm vessels]. *Sredniaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e. (Istoriiia i kul'tura)*

[Central Asia in antiquity and the Middle Ages. (History and culture)]. Moscow : Nauka Publ., 1977. S. 58–71 (in Russian).

Rogozhinskii A. E. Novye nakhodki pamiatnikov drevnetiurkskoi epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na iuge i vostoке Kazakhstana [New finds of monuments of ancient Turkic epigraphy and monumental art in the south and east of Kazakhstan]. *Rol' nomadov v formirovaniі kul'turnogo naslediiа Kazakhstana. Nauchnye chteniіа pamiati N. E. Masanova* [The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N. E. Masanova]. Almaty : Print-S Publ., 2010. S. 329–344 (in Russian).

Rogozhinskii A. E. Flagi na skalakh (izorazheniіа znamen v landshaftakh s petroglifami tiurkskoi epokhi Kazakhstana) [Flags on rocks (depictions of banners in landscapes with petroglyphs of the Turkic era of Kazakhstan)]. *Izobrazitel'nye tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva. 2. Pamiati E. G. Devlet. Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva* [The graphical technological traditions of early art forms. 2. In memory of E. G. Devlet. Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art. Issue XII]. Vyp. XII. Moscow; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat Publ., 2019. S. 275–289 (in Russian).

Senigova T. N. Voprosy ideologii kul'tov Semirech'ia (VI–VIIIvv.) [Questions of the ideology of the Semirechye cults (VI–VIII centuries)]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in the archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka KazSSR Publ., 1968. S. 51–67 (in Russian).

Ternovaya G. A. *Obrazy iskusstva kak istochnik po mirovozzreniiu gorodskogo naseleniіа Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia VI–XII vv. (po materialam arkheologii)*. Diss. kand. ist. Nauk [Images of Art as a Source for the Worldview of the Urban Population of Southern Kazakhstan and Semirechye of the 6th — 12th centuries. (based on archeology materials). Ph. D. Thesis in History]. Almaty, 1998. 26 s. (in Russian).

Chebodaeva M. P. *Obraz Bogini Umai (Ymai) v izobrazitel'nom i dekorativnom iskusstve Khakasii* [The image of the Goddess Umai (Ymai) in the fine and decorative arts of Khakassia]. Abakan, 2019. 40 s. (in Russian).

Shan' khai tszin (Katalog gor i morei) [Shan hai jing (catalog of mountains and seas)]. Predislovie, perevod i kommentarii E. M. Ianshinoi. Moscow : Nauka; GRVL Pub., 1977. 236 s. (in Russian).

Iatsenko S. A. Kostium [Costume]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e* [East Turkestan in antiquity and early Middle Ages]. Pod red. B. A. Litvinskogo. Moscow : Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000. S. 296–384 (in Russian).

Hamilton J. Le colophon de l'Irq bitig [Colophon Irq bitig]. *Turcica* 7, 1975. P. 7–19 (in French).

Thomsen W. Dr. M. A. Stein s. manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and TunHuang. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. London, 1912. January. P. 181–227.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2021.

Принята к публикации 20.01.2022

Дата публикации 25.03.2022